

Шведская современная проза

ЙЕННИ ЙЕГЕРФЕЛЬД

ЛЕННУ
НА ПОЛУ,
ВСЯ
В КРОВИ

“Шведский букер” –
Премия Августа
Стриндберга

Йенни Йегерфельд

Лежу на полу, вся в крови

Издательство "Livebook/Гаятри"

2010

УДК 82-31
ББК 84(3)

Йегерфельд Й.

Лежу на полу, вся в крови / Й. Йегерфельд — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2010

Один день перевернул жизнь семнадцатилетней Майи Мюллер с ног на голову. Майя многое готова отдать за то, чтобы знать наверняка – она нужна своей матери. Вот только та словно исчезла с лица земли. В самый неподходящий момент. Это роман о беззащитности юности, внутреннем одиночестве и о том, как важно не оставлять попыток понять друг друга. Йенни Йегерфельд – шведская писательница, специалист в области психологии подросткового возраста. Честность, сострадание и острый юмор сделали ее одной из самых известных шведских писателей. Йенни Йегерфельд – победитель престижной шведской премии Астрид Линдгрэн. Роман «Лежу на полу, вся в крови» переведен на несколько языков и получил «шведский Букер» – Премию Августа Стриндберга. Книга также выходила под названием «Двухмерный аквариум для крошечных человечков».

УДК 82-31

ББК 84(3)

© Йегерфельд Й., 2010

© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2010

Содержание

Четверг, 12 апреля	6
Пятница, 13 апреля	17
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Йенни Йегерфельд

Лежу на полу, вся в крови

Här ligger jag och blöder
by Jenny Jägerfeld

Издание публикуется на русском языке с разрешения литературных агентств: Banke, Goumen & Smirnova, Sweden и Grand Agency, Sweden

© Jenny Jägerfeld, 2010

© Наталья Банке, перевод на русский язык, 2014

© Яна Палехова, перевод на русский язык, 2014

© Livebook Publishing, оформление, 2018

* * *

*Моим любимым братьям и сестре – Патрику, Джону и Каролине –
посвящается*

Четверг, 12 апреля

Фонтан крови

Без четверти час, четверг, двенадцатое апреля, канун пятницы тринадцатого, по дурацкому суевию, дня всемирных бед: я только что отхватила себе кусок большого пальца электропилой.

Я смотрю на свой большой палец – вернее, на то, что от него осталось. Анемичная бледность кожи – и розовеющая мякоть внутри. Моя плоть. Деловито констатирую, что отрезала довольно ровно, срез гладкий, это же, наверное, хорошо, да? Я лихорадочно роюсь в закоулках сознания в поисках хоть какой-нибудь информации, способной пригодиться в таком случае, но увы. В голове пусто. Мои познания в области расчлененки весьма скудны. К тому же срез теперь не так-то просто разглядеть из-за фонтана крови, внезапно брызнувшего прямо под потолок. Как маленький гейзер.

Пила с диким лязгом падает на пол. То ли я ее выронила, то ли отшвырнула. Не помню. Я обхватываю большой палец правой рукой, сжав что есть сил. Аж костяшки белеют. Проходит секунда, другая. Я стою и смотрю, как электропила выбивает бешеную дробь по полу, угрожающе потрясая лезвием.

В глазах начинает мельтешить, вроде помех в черно-белом телевизоре, и первый ручеек крови просачивается между большим и указательным пальцами. Как по сигналу, кровь вдруг начинает хлестать изо всех щелей, медленно окрашивая правую руку в ярко-красный цвет. Я сжимаю пальцы еще сильнее, но кровь не остановить. Капли так яростно барабанят по белой поверхности стола, что кажется, будто ее опрыскали из пульверизатора.

Я вдруг ощущаю пустоту в животе, как если бы я оказалась в лифте, у которого вдруг оборвался трос, и вместо того, чтобы плавно взмыть ввысь, обрушиваюсь вниз, на дно шахты. Мне приходится разжать пальцы и ухватиться за спинку стула, чтобы удержать равновесие. Кровь брызжет во все стороны – она фонтанирует, пульсирует и извергается из некогда столь дорогого мне пальца. Накрахмаленная грудь моей белоснежной парадной рубашки окрашивается алыми брызгами.

Черт. Папа меня убьет.

Хм, мне же должно быть больно? Почему же мне не больно?

В эту секунду в пальце разрывается бомба.

Затем еще одна.

И еще.

Меня накрывает яростная раскаленная боль. Просто неопишная.

Усилием воли я пытаюсь заставить себя дышать, но у меня ничего не выходит. Горло сводит судорога, перекрыв доступ кислорода.

В немой панике оглядываюсь по сторонам. Вся работа в мастерской приостановилась. Никто больше ничего не лепит, не делает гипсовых слепков, не гнет железные листы и не возится с папье-маше. Все ошарашенно пялятся на меня, на лужу свежей крови на полу, на мои окровавленные руки и кровавый отпечаток на спинке стула.

И молчат.

Я не помню, чтобы здесь когда-нибудь было так тихо. Единственный звук, нарушающий мертвую тишину, – это стук пилы, яростно долбящей пол. Железные зубцы по камню.

Такое ощущение, будто я вдруг оказалась под водой на сорокаметровой глубине. Тысячи кубометров воды сковывают тело так, что любые движения даются с невероятным трудом.

Картинка становится мутной, расплывчатой, звук пилы – искаженным, как при замедленной съемке. Я смотрю на своих одноклассников. Они плавно колышутся над партами. Как водоросли, успеваю подумать я, прежде чем мне наконец удастся набрать в легкие воздух, – и я ору, так хрипло, как будто целый день до этого не открывала рта.

Я ору, широко распахнув глаза, пока в моем пальце один за другим разрываются снаряды. Я кричу, как никогда – *вообще никогда* – не кричала раньше, кричу и не могу остановиться. Лихорадочно ищу глаза Энцо, но выражение его лица сложно прочитать за защитными очками. Резинка, натянутая на затылок, врезается в кожу, стискивая пухлые щеки под поцарапанными стеклами очков. Он отделяется от застывшей толпы. Двигается, как робот, рывками. Не сводя с меня глаз, наклоняется, поднимает с пола нечто маленькое и розовое и протягивает мне.

Я не шевелюсь. Тогда он кладет это нечто мне на правую ладонь и беззвучно оседает на залитый кровью пол в каком-то метре от обезумевшей пилы.

Вальтер несется ко мне со всех ног. Мягкие локоны врзлет. Обычно-то он держится с величавым достоинством, но сейчас не тот случай. Я еще никогда не видела, чтобы он с такой скоростью преодолевал расстояние от кафедры до задних парт. Я не слышу характерного стука его каблучков, и он застаёт меня врасплох, пока я не соображаю, что мой голос, мой дикий непрекращающийся вой, перекрывает все остальные звуки.

Я смотрю на свою правую руку. На странный предмет на моей ладони. Я знаю, что там, но все равно не могу это осмыслить. Не получается – и все тут. Какой-то... абсурд. Как-то уж слишком *противоестественно*. Да что там, просто отвратительно.

На моей ладони – часть моего тела. Часть *меня*.

Кончик моего пальца.

Легкий, словно горошина – ну, может, две. Почти невесомый.

Я не хочу на него смотреть, но не могу отвести глаз.

Верхняя, закругленная часть ногтя в целости и сохранности. В заляпанной кровью подушечке сидит маленькая заноза. Сквозь кровь проглядывает что-то белое – и тут до меня доходит, что это кость. Часть моего скелета.

Я была неправа. Срез совсем не гладкий. Мясо перемолото, как фарш. В глазах на мгновение темнеет. К сожалению, в обморок я не падаю. Пока. Вместо этого к горлу подкатывает неудержимая волна тошноты. Усилием воли, достойным русской гимнастки, мне удается сдержать рвоту.

Угрожающее клацанье пилы внезапно стихает – это Вальтер выдернул шнур из розетки. В ту же секунду замолкаю и я. Как будто мы с пилой работали от одного источника питания.

Повисает тишина. Гулкая тишина.

Вальтер делает шаг ко мне. Он стоит близко, даже слишком – его порывистое дыхание обдаёт мое лицо ментоловыми парами. Он сглатывает, и в его серо-голубых глазах я читаю страх. Пожалуй, даже панику. Ее выдают зрачки, мечущиеся из стороны в сторону. Мелкое, едва заметное подрагивание. Так мы стоим несколько секунд, не сводя друг с друга глаз.

И тут раздаётся какой-то звук. Вроде протяжного поскуливания. Мы с Вальтером одновременно смотрим вниз, на пол. Там лежит Энцо. Как стоп-кадр из фильма ужасов – лезвие пилы застыло в сантиметрах десяти от его правого глаза. На щеке и волосах – кровь. Пятно крови на защитных очках. Моей крови. Его карие глаза широко распахнуты, рот открыт, как будто он собирался закричать, но передумал. Я отмечаю, что молния на его ширинке чуть расстегнута.

Тут раздаются осторожные шаги. Какой-то механический щелчок. Я бросаю взгляд через плечо, и меня ослепляет бело-голубая вспышка.

Щелк.

Симон. Конечно же, это Симон. Он подносит мобильный к моей руке.

Щелк.

Потом нацеливается на лежащего на полу Энцо.

Щелк.

Кровь, защитные очки, ширинка. Все освещается слепящей вспышкой.

Щелк. Щелк. Щелк.

Спохватившись, Энцо закрывает рот. Прокашливается. Подает голос, не меняя своей униженной позы на полу:

– Ты это... засунь его в рот. Ну, то есть, как его, обрубок. Его так проще будет пришить... я это... где-то слышал.

Перед глазами все плывет. Непрестанно щелчки и голос Энцо отдаются в голове причудливым эхом.

Щелк. Ты это... засунь его в рот...

Я заваливаюсь назад – и падаю, шарахнувшись головой обо что-то твердое.

Щелк.

И тут наконец наступает благословенная тьма.

Диагноз: отрезанный палец

– Ну вот, – произнесла доктор Левин, облокотившись на стол и припечатав меня взглядом. Ее покрасневшие глаза обрамлены толстым слоем туши, неопрятные комки которой придают слипшимся ресницам сходство с мохнатыми паучьими лапками. На носу у нее небольшая царапина, и я успела подумать, что, может, она споткнулась и упала. Может, она вообще алкоголичка.

– В принципе, все готово... Так что...

Красивая темноволосая медсестра, которую, судя по бейджику, зовут Мариам, невольно перебила ее, попросив меня держать ладонь неподвижно. Она подняла мою руку, и я инстинктивно вздрогнула, но тут же расслабилась, не чувствуя боли. С облегчением вспомнила про местную анестезию. Мариам улыбнулась, демонстрируя на редкость безупречные зубы, и осторожно надела мне поверх стежков тонкую сетку с компрессом. Большой палец она обернула слоем ваты.

– Чтобы уберечь от травм, – пояснила она.

Я кивнула, не сводя с нее глаз. Она перевязала мое запястье тонким бинтом, обвивая его вокруг большого пальца теплыми и сухими руками. Доктор Левин сидела со скучающим видом, глаза полузакрыты, как будто она изо всех сил пыталась перенестись в другое место, но это ей никак не удавалось. Она набрала в легкие воздух, собираясь что-то сказать, но сперва окинула нас с Мариам строгим взглядом, чтобы убедиться в том, что на этот раз ее не перебьют.

– Есть еще вопросы?

Я принялась лихорадочно соображать. Как же она меня нервнует.

– Да нет, – ответила я наконец, – вернее... да. Есть. А с пальцем что теперь будет?

– В каком смысле?

– Ну, что вы сделаете с этим, как его... кончиком?

– Ах, вот ты о чем... Выбросим, – честно ответила она, глядя в свои бумаги.

– Как выбросите? – мой голос сорвался на фальцет.

– Так. С ним уже ничего не поделаешь. Надеюсь, ты это понимаешь? Знаешь, как сложно пришить кончик большого пальца, отпиленный пилой, да еще с такими рваными краями? Можешь себе представить, какая это адская работа – сшить нервные окончания, сосуды и все такое прочее? Мы не можем тратить столько усилий ради какого-то обрезка, без которого прекрасно можно обойтись.

Обрезка?

Неужели нет какого-нибудь аккуратенького медицинского термина, при употреблении которого не выворачивает наизнанку?!

– Вот если бы ты, скажем, откусила палец клещами, тогда другое дело. У них срез гораздо ровнее. Проще пришивать.

Я смотрела на нее во все глаза, не веря своим ушам.

– В следующий раз непременно буду иметь это в виду, – ответила я.

– Что? – переспросила она, нетерпеливо барабаня ногтями по столу. – Да и потом, он же весь в занозах, пыли и бог знает в чем еще. Сомневаюсь, что он бы вообще прижился, хотя это, конечно, утешение слабое. Еще вопросы?

Я покачала головой.

– Тогда все, – объявила доктор Левин.

Она сделала пол-оборота на крутящемся стуле, повернувшись ко мне спиной, и тут же принялась начитывать текст в продолговатый диктофон.

– Отчет доктора Мари-Луиз Левин о неотложном посещении пациентки Майи Мюллер. Причина посещения, двоеточие. Отрезанный кончик большого пальца руки.

Она умолкла, откашлялась и посмотрела на меня через плечо. Мариам, похлопав меня по руке, объяснила, что в понедельник нужно прийти на повторное обследование и перевязку, а через десять дней я могу обратиться в районную поликлинику, и там снимут швы. Я кивнула, не отрывая глаз от доктора Левин, которая невозмутимо продолжала диктовать:

– Возраст, семейное положение, двоеточие. Незамужняя девушка, семнадцать лет, запятая, проживает с отцом в Эрнсберге, запятая, родители разведены. Род занятий, двоеточие, учащаяся гимназии Санкт-Эрик в Стокгольме, точка. Не курит, точка. Алкоголь практически не употребляет, точка.

Зато ширяется по полной, мысленно добавила я и не смогла сдержать улыбки.

Она продолжила:

– Описание происшествия, двоеточие. Пациентка выпиливала книжную полку на уроке столярного мастерства электро...

– Это было не столярное мастерство.

– Что?

Голос режущий, как стекло. Узкий прищур глаз. Я представила, как ее паучьи ресницы отделяются от век мохнатыми пучками и медленно карабкаются по щекам вниз.

– Это было не столярное мастерство. А скульптура. Урок скульптуры.

– И почему же ты тогда делала полку?

– Я... мне разрешили. Как бы. Я не очень дружу со скульптурой.

Доктор Левин демонстративно вернулась к диктовке.

– Пациентка выпиливала полку электропилой на *уроке скульптуры, точка.*

Она посмотрела на меня в упор. Казалось, что ее усталые глаза сейчас просверлят меня насквозь.

– В результате оплошности пила соскользнула, и пациентка отрезала кончик большого пальца левой руки. Статус, двоеточие. Отрезанный кончик большого пальца левой руки, запятая, двадцать три – двадцать четыре миллиметра от межфалангового сустава, запятая, отрезано около пяти миллиметров, запятая, повреждение не затронуло сустав, точка. Других повреждений нет, точка. Общее состояние, двоеточие. Наблюдается остаточное действие болевого шока, пациентка держится несколько... отчужденно.

Тут она резко умолкла.

– Я вытаскивала фламинго, – сказала я. – Когда случилась эта... оплошность. Я вытаскивала силуэт фламинго на боковой стенке.

Она непонимающе уставилась на меня.

– Ты можешь идти, – сказала она, и я кивнула и вскочила, как от удара током. Огляделась по сторонам – оказывается, Мариам успела незаметно выскользнуть из кабинета.

– Спасибо, – сказала я, пятась к выходу.

Она даже не подняла головы. Небошь ждет не дождется, когда я наконец уйду. Только я за дверь – а она хватъ из ящика стола миниатюрную бутылочку водки из дьюти-фри и – хлобысть! Я закрыла дверь. Теперь я уже никогда не узнаю, что она за ней делает.

Выйдя в приемную, я опустилась на стул – вокруг не было ни души, не считая молоденькой чернокожей девушки с крупными золотыми сережками. Она тут же уставилась на мою рубашку с засохшими брызгами крови на груди и руках.

За окном пошел дождь. Мелкие аккуратные капли дробно застучали по стеклу. «*Держится отчужденно*», – вспомнилось мне. Так вот, значит, я какая. *Отчужденная*.

Вальтер трижды прошел мимо приемной, прежде чем наконец заметил меня.

– Вот ты где! – выпалил он, переводя дух. От него пахло дымом – не сигаретами, а чем-то пряным вроде благовоний.

Я ничего не ответила. Да и что на это скажешь.

Он успел снова натянуть футболку, которой замотал мой палец в такси где-то с час тому назад, и теперь на ней красовалось идеально круглое кровавое пятно, словно в него выстрелили в упор. Он сел рядом – как по мне, так даже слишком близко, вокруг штук тридцать стульев, садись – не хочу, но нет, почему-то обязательно надо сесть в трех сантиметрах от меня.

Девушка с золотыми сережками тут же уставилась на Вальтера, потом снова перевела взгляд на меня.

Да уж, видок у нас, наверное, что надо. Все в крови. Красота.

– Не день, а черт знает что, – сказал он, вытаскивая из кармана пиджака коробочку с ментоловыми конфетами.

С этим было сложно поспорить.

– Я пока твоему папе позвонил.

Он сунул леденец в рот и протянул мне коробочку. Я покачала головой.

– До мамы не смог дозвониться, оставил ей сообщение.

– И какое именно?

В моем голосе прозвучала тревога, и мне это не понравилось.

– Ну, как какое, сказал, что произошел несчастный случай, но сейчас все под контролем.

«Под контролем»? Это называется «под контролем»?

– Я оставил ей номер своего телефона, попросил перезвонить, прежде чем ехать сюда, чтобы мы не разминулись. Но она, наверное, сразу тебе позвонит. У тебя мобильный включен?

– Да.

Я не стала объяснять, что она все равно не приедет. У меня не было ни малейшего желания отвечать на его назойливые вопросы, которые непременно бы за этим последовали.

– А папа приедет?

– Да, где-то через двадцать.

– Минут?

Блин, да что со мной такое? Можно подумать, есть какие-то варианты.

Вальтер криво усмехнулся.

– Да, – ответил он. – Минут.

Мы еще посидели вот так, бок о бок. Хорошо хоть, он футболку свою надел, а то буйная светло-русая поросль на его груди прямо-таки притягивала взгляд. Медсестры травмпункта, судя по всему, были со мной в этом согласны. Доктор Левин оказалась единственной, кто смог устоять: на протяжении всего разговора она смотрела ему в глаза.

Я посмотрела в окно. Черно-серые тучи собирались над горизонтом. Небо потемнело, как будто надвигались сумерки.

– Ну, – произнес Вальтер, – и что тебе сказала врач?

Я пожалала плечами. Как только доктор Левин приступила к осмотру моего покалеченного пальца, Вальтер стремительно ретировался, сославшись на то, что ему нужно позвонить моим родителям. Все было ясно без слов, но я его не виню – я бы и сама на его месте постаралась свалить. Образ врачихи, подпиливающей кость, чтобы зашить рану, навеки отпечатался на моей сетчатке. А все эти ее словечки перед началом процедуры? Она только «немного причешет кость». «Причешете?» – переспросила я, изо всех сил изображая невозмутимость. Ну да, причешет, чуть подшлифует, а то вон она какая *лохматая*.

Я зажмурилась, словно заново ощущая вибрации пилки, шлифующей кость. Инстинктивно прижала забинтованную руку к сердцу.

– И что, правда нужно брать в рот?

– Что?!

На какое-то мгновение я зависла, пытаюсь переварить столь откровенную пошлость из уст своего учителя.

– Ну, Энцо же говорил, что нужно положить обрубок в рот. И что сказала врач?

Я выдохнула.

– Она сказала, что с тем же успехом можно было запихнуть его себе в задницу.

– Что, так и сказала?!

Вальтер яростно перекачивал во рту леденец, глядя на меня с явным недоверием.

– Ну типа того. Сказала, что там столько же бактерий.

Он покачал головой. Тяжело вздохнул.

– Зря я тебе вообще разрешил взять эту пилу в мастерской, нужно было сразу сказать: «Я не могу брать на себя такую ответственность, это вне моей компетенции. Так что займись-ка ты, Майя, скульптурой, как все остальные». Тогда всего этого бы не произошло. Уж слишком я с вами добрый, всегда этим грешил. Господи, что скажет директор?!

Мы немного помолчали. Меня слегка мучила совесть. Но, блин, – скульптура! Какой от нее вообще толк?

– Полка – это тоже скульптура.

– Нет, Майя. Полка – *не* скульптура.

* * *

Первое, что произнес папа, ворвавшись в приемную полчаса спустя:

– О боже, что это на тебе надето?!

Не «О боже, что с тобой случилось?!», не «О боже, девочка моя!», ну или любое другое восклицание, подобающее встревоженному родителю.

Куда там. Его интересовало, что на мне надето.

Он смерил меня взглядом. Открытое лицо, серьезные карие глаза.

– Моя оркестровая униформа!

Он присел на корточки и стал ощупывать жесткую ткань брюк, словно не веря своим глазам. В этом весь папа – заикнуться на какой-нибудь мелочи, забыв про главное.

Пару недель назад я залезла в его гардероб и нашла эти феноменальные темно-синие штаны с красно-золотой отделкой. Сверху они пузырились колоколом, сужаясь к икрам, как галифе. У щиколоток блестели три золотые пуговицы, а бока украшали лампасы из красного бархата.

Я понятия не имела, что папа когда-то играл в оркестре, и, поскольку брюки были узкими в талии, решила, что они принадлежали кому-то другому. В этих штанах – в комплекте с накрахмаленной белоснежной рубашкой и парой подтяжек в красно-бело-синюю полоску – я чувствовала себя *аицкой* королевой, выходя из дома тем злополучным утром.

– И рубашка... – с запозданием добавил он, глядя на некогда ослепительно белую манишку, насквозь пропитанную потемневшей заскорузлой кровью. Я ощутила, как ткань липнет к коже.

Папа поднял глаза и наконец заметил Вальтера.

– Здравствуйте, – произнес Вальтер и протянул ему руку.

– Юнас, – представился папа, сжав его руку так, что костяшки побелели. Была у него такая дурная привычка.

– Вальтер, – ответил Вальтер, ни одной мышцей лица не выдав страданий человека, кисть которого зажата в тиски. – Я преподаватель Майи по художественному мастерству и... скульптуре. Это на моем занятии она...

Он замешкался.

– ...отпилила часть пальца.

Папа перевел взгляд с лица Вальтера на кровавое пятно на его футболке, затем повернулся ко мне. Он взял меня за руку и недоверчиво осмотрел повязку.

– Майя... – произнес он.

В голосе его сквозило больше разочарования, чем тревоги. Он почесал голову, поднялся и отвел Вальтера в сторону. Встав ко мне спиной, он обеспокоенно выдавил из себя:

– Вальтер... вы думаете, это она нарочно?

Вербализация страха

– Нет, ну у тебя с головой вообще в порядке?! Конечно, я не нарочно!

Я встала было в дверях, но папа протиснулся в квартиру и рванул в туалет. Я с силой захлопнула входную дверь, задев при этом пальцем о косяк. В глазах потемнело. Анестезия явно начала отходить. Я скривилась от боли. Зеркало в прихожей отразило мою перекошенную физиономию под длинной черной челкой. Я отметила, что волосы по бокам отросли до безобразия. Срочно брить!

– А я откуда знаю? – крикнул отец из ванной.

– Закрывай дверь, когда идешь отлить!

Не успела я произнести эти слова, как в ушах застучало, будто включили усилитель. Такой дробный металлический стук.

Пила. Пронзительный оглушительный визг.

Стук металлических зубцов о камень.

Плоть. Обнаженная, беззащитная.

Кровь – ручьем, струей, брызгами.

Взрыв снаряда. Боль.

В глазах замелькали молнии. Я заморгала, чтобы прийти в себя, но меня не отпускало. Пошатнувшись, я села на корточки. В ушах по-прежнему стучало. Я ухватилась было за дверной косяк, но промахнулась и чуть не упала, плюхнувшись на задницу. Я зажмурилась, но молнии продолжали мелькать под закрытыми веками. Еще немного посидела – по ощущениям, несколько минут, хотя вряд ли, конечно, на самом деле так долго. Постепенно я начала приходить в себя. Молнии исчезли, стук в ушах начал стихать, как будто кто-то прикрутил звук, а потом и совсем выключил. Остались только слабость и головокружение. Да что со мной такое творится?

Я принялась расшнуровывать ботинки. С одной рукой дело шло убийственно медленно. Послышался шум спускаемой воды, потом – струй из крана – две секунды, не больше. Папа вышел из туалета, вытирая руки о джинсы. Я представила себе, как разбавленная водой моча впитывается в ткань. Он скинул с ног кроссовки и швырнул куртку на галошницу.

– Ни один дурак не станет отпиливать себе палец назло, – ядовито произнесла я.

– Ну, я подумал, вдруг тебе плохо.

Да за кого он меня принимает? Мы вообще знакомы?

– Может, я и не пребываю в эйфории дни напролет, но это не значит, что я стану добровольно себя калечить!

Я возмущенно уставилась на него.

– Я знаю, Майя, знаю. Я просто подумал, что ты... как бы это сказать? Не можешь вербализовать свой страх...

О боги. «Вербализовать страх». Интересно, на каких курсах он такого нахватался, какие такие книги читал, с каким придурком консультировался? Он встретился со мной взглядом и провел пятерней по волосам, тщетно пытаясь убрать непослушные пряди со лба.

– Ты в курсе, что у тебя теперь моча в волосах?

– Что?

Как обычно, он предпочел не слышать того, чего слышать не хотел.

– Моча в волосах. А, ладно, проехали. Я прекрасно могу вербализовать свой страх. Если я что-то и могу поделаться со своими страхами, так это вербализовать их.

Да? Прозвучало вполне убедительно, но это, конечно, вовсе не означает, что я была убеждена в своей правоте. Папа ничего не ответил, только продолжал на меня смотреть сверху вниз, засунув руки в задние карманы джинсов. Я дернула за шнурок и продолжила:

– Если ты так беспокоишься о моем самочувствии, мог бы, вообще-то, у меня поинтересоваться. А не у моего учителя. И уж точно не при первой же встрече!

Папа выдохнул через нос. Он что, фыркнул? Или он считает, что я сказала что-то смешное? И то и другое казалось мне одинаково оскорбительным.

– Я обещал, что мы постираем его футболку. Или отдадим деньги. Выглядит она не дешево.

Мне наконец удалось расшнуровать ботинки, так что я осторожно встала, опасаясь новых вспышек боли, прошла в гостиную и плюхнулась на диван. Папа проследовал за мной.

– Ладно, – мягко произнес он. – Как твой палец?

– Так себе, – ответила я, чувствуя, как глаза предательски наполняются слезами. И эти слезы вот-вот польются через край.

– Так что же все-таки произошло? – спросил он.

– Я выпиливала...

Я замешкалась, подыскивая слова, но он не дал мне договорить.

– Ну, это я уже понял.

От высокомерия в его голосе слезы мгновенно отступили. Оно едва угадывалось, но, несомненно, присутствовало. Как же я ненавидела это его высокомерие! Сам он уверял, что это профессиональная деформация – якобы ему столько раз приходилось брать интервью у самовлюбленных людей, что высокомерие стало механизмом самозащиты и вошло в привычку.

– Я выпиливала полку, – закончила я.

– Но почему ты выпиливала полку на уроке скульптуры? Я думал, там возятся с глиной или из чего там лепят это все?

– Полка – это тоже своего рода скульптура, – в очередной раз повторила я.

– Нет, Майя, полка – не скульптура. Полка – это полка, а скульптура – это...

Я его резко перебила, подпустив в голос металла.

– Как бы то ни было, я делала подарок для Яны.

– Для Яны? – растерянно переспросил он.

В его взгляде читалось удивление. Мы не часто о ней заговаривали.

– У нее день рождения на следующей неделе. Сорок пять.

– Я помню, – не сразу ответил он, но я знала, что это ложь. Он и про мой-то день рождения никогда не помнил, хотя специально записал в мобильный.

Он сел рядом и обнял меня за плечи. Рука его была теплой и тяжелой. От него пахло одеколоном, который мне никогда не нравился, и немного потом. Я представила, как он несся в травмпункт. Он уселся поудобнее на чуть продавленной подушке, и диванная кожа заскрипела.

Идея кожаных диванов всегда мне претила. Они казались страшной пошлостью. Но, привыкнув сидеть на коже дохлой коровы (или из кого уж их там делают), я не могла не признать, что диван был страшно удобным. Что не отменяло его уродства и дешевых понтов. Для папы же диван был любовью с первого взгляда, поразившей его в мебельном магазине. Не просидев на нем и минуты, отец заявил, что просто обязан его купить. Диван оказался на редкость дорогим. Мне вспомнилась Долли Партон, однажды заявившая: «Вы не поверите, во сколько обходится такой дешевый вид».

Сам диван не мог бы сказать лучше.

Папа убрал руку и откинулся назад. Сразу стало холоднее.

Он вздохнул и сказал:

– Мне, наверное, нужно ей позвонить?..

– Кому?

– Яне, кому же еще.

– Зачем?

– Что значит «зачем»? Ты, если помнишь, имела неосмотрительность отпилить себе палец.

Он хохотнул, но тут же снова принял серьезный вид.

– Надо ей сообщить. Как-никак она твоя мама.

– Я могу ей сама рассказать все на выходных, – поспешно предложила я, поглядывая на часы.

Четверть девятого – до следующего приема «Цитодона»¹ оставалось больше получаса. Наркоз совсем отошел, и то, что раньше ощущалось тупой болью, превратилось в яростные удары отбойного молотка. А, гори все огнем! Я вытащила упаковку из кармана куртки и выдавила круглую белую таблетку. Отправила ее щелчком ногтя прямо в рот, поймав на лету, как соленый орешек. На папу этот фокус впечатления не произвел.

– Ты правда думаешь, что тебе стоит завтра ехать в Норрчёпинг? – спросил он, наморщив лоб.

– Конечно!

– Ты уверена?

– Ну я же не ноги себе отпилила.

Он открыл было рот, чтобы что-то ответить, но передумал. Я изобразила самую убедительную улыбку, какую смогла. «Верь мне», – было написано на моем лице. По крайней мере, так мне казалось, когда я репетировала это выражение перед зеркалом. Я сказала:

– Все будет в порядке. Честное слово.

Но папа не ответил на мою улыбку. Морщинка над переносицей, похоже, поселилась там навсегда. Он недоверчиво прищурился. Когда он так делал, ему и в самом деле можно было дать его сорок два, невзирая на модную футболку и потертые джинсы. Как ни странно, мне это нравилось.

Потом он встал и обреченно произнес:

– Ладно, пойду позвоню.

– Смотри, тапочки от радости не потеряй!

Он сделал вид, что не расслышал.

Я включила телевизор и, стараясь двигаться максимально осторожно, прилегла на диван. И все равно стоило затылку коснуться подушки, как голову пронзила такая боль, будто мне

¹ Обезболивающее с содержанием парацетамола и кодеина. – *Здесь и далее примеч. перев.*

звезданули прямо по шишке. К горлу подкатила тошнота, рот наполнился слюной с металлическим привкусом. Пришлось повернуться на бок. Стало немного легче.

Я рассеянно щелкала пультом, перед глазами мелькали картинки. Серые мужчины в костюмах неестественно улыбаются и пожимают друг другу руки, танцующие девушки вызывающе шлепают друг друга по попам под ритмичную музыку, лев медленно крадется в высокой траве. Я взглянула на руку. Большой палец левой руки, столь старательно забинтованный медсестрой, ныл от боли под белоснежной повязкой. Я попыталась найти для руки положение поудобнее, но, как я ни изворачивалась, боль была такая, словно мне под ноготь загнали ржавый гвоздь. Вспомнилась вибрация пилки, шлифующей кость, и я вновь ощутила тошноту – на этот раз подкатившую к самой гортани. Я пожалела, что не потребовала общего наркоза, надо было настоять. Вечно я строю из себя сильную, все-то мне по плечу. Как ни странно, больше всего меня мучила не адская боль, а мысль о том, что я лишилась части тела. Кусок моей плоти вдруг стал чем-то отдельным и теперь валяется на какой-нибудь помойке на площади Св. Йорана, выброшенный недрогнувшей рукой. От этого я себе казалась... неполноценной, что ли. Калекой.

Я по привычке взяла со стола мобильный, вошла в интернет и залезла в папину почту. Интернет дико тормозил, но и я никуда не торопилась. Я забила пароль – папа, понятное дело, не стал париться, выбрав самое очевидное – «майя» (конечно же, с маленькой буквы), – и пролистала письма. В основном рабочие мейлы. Какой-то редактор с редактурой папиной статьи. Папин ответ. Я зашла в его «Фейсбук». Ничего интересного, кроме упоминания его приятелем Улой какой-то телки по имени Дениз, с которой папа, судя по всему, познакомился на выходных – девица, по мнению Улы, была «совсем без башни».

«Совсем без башни».

И почему меня это ни капли не удивляет?

* * *

Когда папа снова вошел в комнату, я поняла, что отрубилась. Может, потеряла сознание? Ну или просто уснула, если не драматизировать.

Он прочистил горло и почесал отросшую щетину.

– Она не отвечает.

Мне захотелось снова закрыть глаза.

– Может, она занята, – пробурчала я.

– Занята? По-твоему, такое возможно? Я ей сказал, что ты отрезала палец. Оставил сообщение на автоответчике. Очень странно, – добавил он, терзая ногтями щетину. – Я еще по дороге в больницу ей позвонил. Она и тогда не ответила. Обычно она всегда отвечает.

«Обычно»? Можно подумать, они созваниваются каждый день, а не раз в полгода. Или я чего-то не знаю?

Он бросил телефон на стол и воскликнул:

– Черт, что ж так чешется-то? Все, я в душ! И бриться!

И папа исчез в ванной. Я протянула руку к его телефону. Поиграла кнопками. Заскорузлая от крови рубашка царапала грудь. Вообще, если кому-то здесь и следовало принять душ, так это мне, только вот где взять сил? Это ведь надо напрячься, а напрягаться совсем не хотелось.

Из ванной послышался плеск воды, папа что-то напевал себе под нос. Принимая душ, он тоже не считает нужным закрывать дверь, хотя я уже пять лет капаю ему на мозги. Понятия о приличиях для этого человека – пустой звук.

Немного поколебавшись, я набрала мамин номер. В трубке послышались гудки, затем включился автоответчик. Я набрала еще раз, затем еще.

Но на том конце никто не отвечал.

Пятница, 13 апреля

Даешь шлюх!

– Даже спрашивать не буду... Ну, это, больно тебе или нет. Сам понимаю. Еще бы, пилой оттапать, кошмар какой-то... столько кровушки! Говорят, ее потом целый час отмывали, твою парту, так толком и не отмыли, она теперь, типа, вся розовая. Даже дверь в крови. Боль, наверное, адская... Не, ну я сам все понимаю, конечно. Чего уж тут спрашивать...

Энцо, как всегда, запутался в собственном потоке сознания. Вспомнив о вчерашнем, я машинально прижала руку к груди.

Пила. Пронзительный оглушительный визг.

Стук металлических зубцов о камень.

Я содрогнулась и попыталась взять себя в руки. Отделаться от навязчивой картинки. Это было непросто.

Плоть. Обнаженная, беззащитная.

Кровь – ручьем, струей, брызгами.

Нет, невозможно.

Разрыв снаряда. Боль.

Я натянуто улыбнулась – так, что заняло в уголках рта.

Мы шли по узкому коридору, стремительно заполнявшемуся учениками. С воплями и дебильным гогогом они высыпали из своих классов. На часах было без двадцати десять, первая перемена.

– Нет, я это... сам понимаю, не дурак! Тут и спрашивать нечего... Ну, то есть, больно или нет.

– Да брось ты, хочешь – спроси.

– Э-э, ну ладно...

Он повернулся ко мне со смущенной улыбкой. Его по-детски пухлые щеки напоминали ванильные пастилки, такого же светло-бежевого цвета. Мне захотелось погладить его по круглой щеке, но я удержалась. Наши отношения таких телячьих нежностей не предусматривали.

– Ну давай, спрашивай!

– Больно?

– Блин, больно, конечно, совсем дурак что-ли, сам не понимаешь?!

Я изо всех сил старалась изобразить возмущение, выпучив глаза и приоткрыв рот в праведном гневе, но вскоре не выдержала и расхохоталась так, что пришлось схватиться за живот.

– Ой, не могу! Прости, Энцо! – задыхаясь, хохотала я. – Но видел бы ты свое лицо – это было неподражаемо!

Энцо попытался заехать мне учебником математики по голове, но я уклонилась, и тот просвистел мимо.

– Свинья ты, – ответил он.

Я все смеялась не в силах остановиться, просто умирала со смеху, но Энцо молчал, и я напряглась: не зашла ли я слишком далеко?

– Эй, Энцо-бенцо! Не горбись!

Вот блин. Этот голос ни с чем не спутаешь. Высокий и резкий, как свинячий визг. Вендела. А с ней – дебил Ларс, с неизменной банкой колы в руке, которого я про себя называла ФАС-Ларс. Вообще-то ФАС – это фетально-алкогольный синдром, случающийся у детей, когда мать пьет во время беременности. Мы это проходили по биологии, и у Ларса все симптомы

совпали один в один. Маленькая голова, плоское лицо, курносый нос, гиперактивность и низкий интеллект. Последние два пункта – прямо как у меня, только с точностью до наоборот: ноль активности и гиперинтеллект. Понятно, что мы не сошлись характерами.

Энцо дернулся и машинально выпрямил спину. Он и в самом деле сутулился, будто хотел стать невидимым, съежиться, хотя чем больше он горбился, тем больше на него обращали внимания.

– О, какие люди! Майя Мюллер-Шмюллер! Ну, сколько сегодня пальцев отпилила? – спросила Вендела, вызывающе глядя на меня.

Слухи о вчерашнем членовредительстве распространялись со страшной скоростью. Наверняка Симон не отходя от кассы выложил фотки на все самые идиотские сайты, какие только смог найти. Вот спасибо.

Дебил Ларс тупо хохотнул и с хлюпаньем допил содержимое банки.

Одного я никак не могла понять про Венделу – как можно быть такой откровенной стервой и в то же время учиться на естествознании? Разве умным девицам естественнонаучного склада ума не положено быть милыми и благовоспитанными? Мне всегда казалось, что это должно быть прописано мелким шрифтом в правилах приема. В таком случае она их явно не читала.

Я ничего не ответила, только безразлично посмотрела на нее. Короткие светлые волосы. Большие голубые глаза. Чуть вздернутый нос. Она вполне могла сойти за симпатичную – если бы не была такой редкостной дрянью, конечно.

Я представила, что передо мной неодушевленный предмет. К примеру, камень. Вендела – камень. Я долго отработывала этот взгляд перед зеркалом, холодный и безразличный. Очень полезный прием. Я уже опробовала его на папе. Он дико взбесился. «Не смей на меня так смотреть! – заорал он, замахав руками. – Ты сейчас похожа на Яну. У тебя... такой же взгляд!»

И хотя мне страшно не понравились его слова, пришлось признать – в них что-то есть. У мамы в самом деле иногда бывал такой взгляд. Когда она, по ее собственному выражению, «уходила в себя». Становилась далекой и чужой.

Отчужденной.

Неужели мы с ней и правда такие? Неужели я такая же, как она?

– Ну ты, чмо, отвечай, когда с тобой разговаривают, – подхватил Ларс, которому явно нравилась роль подпевалы.

– Я вроде бы вежливый вопрос задала, – продолжила Вендела, – ты там себе никаких больше пальцев не отпиливала?

– Этот, по крайней мере, на месте.

Я показала средний палец, чуть не засунув его Венделе в нос.

– О, какие мы нервные!.. – ответила Вендела с фальшивой обидой в голосе. – Я просто спросила. Я же все понимаю, тяга к членовредительству и все такое. Была бы я на твоём месте, наверное, еще не так себя калечила. Просто я всегда думала, что вы, эмочки, себя втихую увечите, не так демонстративно.

О боже. Это ее классический наезд или все действительно думают, что я это нарочно?

Я убрала палец.

Повторила про себя: «Вендела – камень».

Дебил Ларс заржал и потянул меня за узкую черную подтяжку, поддерживающую ядовито-зеленые треники – я откопала в секонд-хенде отпадный тренировочный костюм из лайкры в стиле восьмидесятых. Совсем новехонький – и всего за пятьдесят крон! Даже в оригинальной упаковке, шуршащем прозрачном пакете. Грех было не купить.

– А это у нас что? Вы, «эстеты», конечно, известные уроды, но это же просто праздник какой-то! Ты как из психушки сбежала.

«Психушка» он выговорил по-английски, *mental institution*. Он оттянул подтяжку и резко отпустил. Грудь обожгла мгновенная боль, но я не подала виду, бесстрастно глядя на него.

Он – камень.

– И правда, чего это ты? – сочувственно подхватила Вендела. – Сосеешь-сосеешь, а на нормальную одежду все никак не заработаешь? Уже бедных психов обираешь?

Я несколько раз повторила про себя: «*Она – камень. Она – камень. Она – камень.*»

Наконец я ответила:

– Я-то неплохо зарабатываю, а вот у матери твоей проблемы. Демпингует почему зря, минет – двадцатка. Остальным шлюхам это не нравится.

Только хорошенько приглядевшись, можно было уловить ее реакцию. Может, она тоже репетирует перед зеркалом? Непроницаемое выражение лица. Ледяной взгляд. Но я-то заметила, как напряглись мышцы шеи и сузились глаза.

Краем глаза я увидела, как Энцо будто невзначай отодвигается еще дальше, и подумала, не обидеться ли на него за предательство, но потом решила, что его можно понять. Я же его не спрашивала, сама полезла на рожон.

Не моргнув глазом, я спокойно выдержала взгляд Венделы и Ларса, затем отодвинула их плечом и пошла дальше. Тело Ларса было собрано и напряжено, как у бойцовой собаки в стойке, и, хотя я ненавидела его всей душой, было что-то неуловимо сексуальное в этом напряженном, готовом к нападению теле. Наверное, какой-то нездоровый инстинкт.

Когда я прошла мимо него, он отвесил мне подзатыльник. Стукнул он не особо сильно, но удар пришелся прямо по шишке на голове. От неожиданной боли я осела на пол и громко застонала. На лице Ларса отразилось удивление – он явно не рассчитывал на такой эффект.

– Ах ты, сучка драная! – прошипела Вендела у меня над головой. В уголках рта образовались крошечные, чуть заметные капли слюны. Она вытерла губы тыльной стороной ладони, развернулась и зашагала прочь. Мы с Ларсом недоуменно посмотрели друг на друга. Нас явно волновал один и тот же вопрос: неужели моя взяла?!

Проходящие мимо ученики, лица которых казались мне смутно знакомыми, были вынуждены меня огибать. Я не делала ни малейших попыток встать, просто лежала на полу, прислушиваясь к отголоску удара в моей голове. К ощущениям боли – жесткой и теплой.

Дебил Ларс соорудил мину, которая, видимо, должна была казаться угрожающей, и потрусил за Венделой, как похотливый, но верный пес. Я с досадой отметила, что упустила момент для ответной колкости.

Энцо осторожно приблизился, готовый в любой момент слинять, если они надумают вернуться. Наклонившись надо мной, он протянул руку. Его круглые щеки печально отвисли. Он открыл рот и затараторил – быстро и, как всегда, бессвязно:

– Блин, я, конечно, понимаю, что от них... что от этих ничего нельзя ожидать, но это уже совсем... Как меня это достало... Эти их вечные шуточки про шлюх! Пошлость какая... Как вообще можно... так относиться к девушкам... женщинам...

Пока он подыскивал нужное слово, я его перебила.

– Лично меня это не трогает. Я вообще не понимаю, что плохого в том, чтобы заниматься сексом за деньги? Миллионы женщин делают это бесплатно – и кому от этого лучше? Не правильнее ли монетизировать процесс, а не заниматься благотворительностью? Я считаю, мы должны пересмотреть свое отношение к шлюхам, обратиться к истокам, сделать переоценку ценностей, вернуть этому занятию былую славу! Да-да, как это было сделано со шведским флагом, опороченным неонацистами!

Энцо неловко переминался с ноги на ногу. Это было низко с моей стороны, и я это знала. Энцо просто хотел дать мне понять, что он на моей стороне. Но меня понесло. Он тихо промямлил:

– «Монетизировать процесс»... А попроще нельзя?

Я вздохнула. Поразительно, до чего иногда мало надо, чтобы сбить человека с толку.

– Почему же, можно. Брать деньги – слышал когда-нибудь о таком явлении? Денежное вознаграждение. Оплата труда.

Энцо покачал головой. В его душе явно происходила борьба. Его можно было понять – я и сама так не думала. Просто пыталась сделать хорошую мину при плохой игре. По-моему, он это понял. И промолчал из солидарности.

Тем временем коридоры опустели, и мы с Энцо рванули в класс.

– Даешь шлюх! – выкрикнула я, чтобы снять повисшее напряжение, и высморкалась в салфетку, найденную в кармане. Кто бы мог подумать, до чего, оказывается, сложно сморкаться одной рукой.

Две невзрачные девицы с растрепанными волосами и лицами, покрытыми толстым слоем тонального крема, плелись по коридору в обнимку, о чем-то шушукаясь. Они умолкли и с ужасом посмотрели на меня, широко распахнув глаза. Я бросила на них вызывающий взгляд, и они прошли мимо, то и дело оглядываясь. Такие серые мышки всегда вызывали у меня раздражение. Все считают их милыми и добрыми, но откуда нам знать, если эти тихони никогда ничего не говорят? Лично у меня они ничего, кроме подозрения, не вызывают. Может, они вообще неонацисты, кто их знает?

– Майя, – окликнул Энцо, проследив за моим взглядом.

– Что? – рассеянно спросила я, вновь почувствовав, как пульсирует налившаяся кровью шишка.

Я не смогла сдержать стона.

– Ты уж прости, что спрашиваю, – ухмыльнулся он. – Но *сейчас* тебе больно?

– Да, Энцо, сейчас больно. Доволен?

– Да, теперь доволен!

Ножом по сердцу

Какое-то время спустя мы с Энцо уже сидели за соседними партами на уроке литературы. Ханне только что закончила объяснять про основные стихотворные размеры и теперь велела нам написать хокку – японский стих, где в первой строке пять слогов, во второй – семь, а в третьей снова пять, по крайней мере так она нам объяснила.

– Желательно, чтобы в третьей строчке было что-то особенное, – добавила Ханне и повернула ко мне свое веснушчатое лицо: – Что-то... неожиданное!

Она одарила меня сияющей улыбкой, и я вяло улыбнулась в ответ. Она меня любила, это знала. Да и я ее, пожалуй, тоже – устоять было сложно. Она часто подходила ко мне после занятий, чтобы обсудить то или иное мнение, изложенное мной на уроке или в сочинении. Ее письменные комментарии к моим работам всегда отличались излишней восторженностью. «Блестяще!» – такова была ее неизменная оценка почти всего, что бы я ни написала. На собеседовании перед окончанием осеннего семестра она заявила, что у меня, цитирую, «превосходное умение выражать свои мысли устно и письменно», и добавила, что, пожалуй, я «самая одаренная ученица, с которой ей приходилось работать». Правда, весь ее преподавательский опыт к этому времени сводился к двум годам, но все же.

«Пятерка» мне была обеспечена – и очень кстати. По другим предметам оценки у меня были удручающе посредственными. Художественный уклон требовал хоть каких-нибудь художественных талантов, мои же были весьма скромными. Похоже, я исчерпала весь свой творческий потенциал на вступительных экзаменах. Никогда больше – ни до, ни после – я так не рисовала. Я даже умудрилась отличиться в столь ненавистной мне скульптуре, сваяв «Венеру Милосскую» – ну, ту телку с голой грудью и отпиленными руками. Я назвала ее «Нет ручек – нет варенья» – в этом явно было что-то пророческое. «Нет пальца, нет и...» – чего, инте-

ресно? Зато после вступительных я начисто выдохлась. Все как отрубилло – вдохновение меня покинуло, творческий огонь погас, как язычок пламени на обугленной спичке.

Ханне маячила в ожидании у доски, на которой ее безупречным безличным почерком были перечислены формальные признаки хокку. Вдруг она резко шагнула к парте Симона и выхватила у него из рук мобильник. Он удивленно поднял глаза и попытался было возразить: – Но...

Ханне вернулась за кафедру, открыла ящик стола и положила туда телефон, не произнеся ни слова. После этого она снова принялась мерять кафедру шагами.

Палец болел просто адски, и я чувствовала себя ужасно несчастной.

Ну почему, почему она не звонит?! Я же палец себе отпилила! И она об этом знает!

Ханне остановилась, опершись о кафедру растопыренными пятернями, как спринтер на старте, и уткнулась в свои записи. Воспользовавшимся этим, Энцо тут же сунул мне записку – он интересовался, пойдем ли мы куда-нибудь вечером. Я покачала головой и одними губами произнесла: «Норрчэпинг», – не сводя глаз с Ханне. На ней была блузка с глубоким вырезом, в котором вздымались и опускались ее бледные груди. При каждом ее вздохе казалось, что сиськи вот-вот вывалятся из тесного декольте. Вот было бы круто! Хоть какой-то экшен. Я оглядела класс. Незаметно вздохнула. В окно заглянул луч солнца, и миллионы микроскопических пылинок вспыхнули в его свете. Они медленно кружили в воздухе, будто паря в невесомости. Как рассыпанные в воздухе блестки. Сверкающие блестки на опущенном лице Ханне, сверкающие блестки на ее бледной коже...

Ханне резко выпрямилась, застав врасплох весь класс, беззастенчиво пялящийся на ее бюст. Энцо смущенно опустил глаза, остальные, по всей видимости, тоже, потому что ей пришлось щелкнуть пальцами, чтобы привлечь к себе внимание. Мне показалось, или по ее веснушчатому лицу и впрямь скользнула мимолетная самодовольная улыбка?

– Ах да, – произнесла она. – Небольшая подсказка. Можно писать о природе – времена года, например, весна... или приближение лета... Это привнесет в ваши хокку дополнительный японский колорит!

Она милостиво кивнула, давая понять, что можно приступать.

Я пересчитала слоги по пальцам и быстро записала:

Не может Энцо
Сочинить хокку, ибо
Глуп он слишком.

Я протянула стих Энцо, и глаза его возмущенно округлились. Он вскочил из-за парты, выдернув листок из моих рук, и театрально прошептал, тыча в меня пальцем:

– Ну все, это война!

Он отправился подточить карандаш. Было настолько очевидно, что он просто тянет время, что мне еще больше захотелось как-то его поддеть. Двигался он плавно, чуть переваливаясь. Энцо с самого детства был толстым. Именно толстым – любые другие эпитеты были бы приукрашиванием действительности, он и сам так говорит. Но в последние месяцы с ним что-то произошло. Помимо того, что он вытянулся на пару сантиметров, он еще и заметно похудел. Его фигура приобрела более четкие очертания. Я подозревала, что он начал тренироваться, но мы с ним такие вещи не обсуждали. Думаю, эта тема была бы одинаково неловкой для нас обоих. Он был значительно выше среднего роста, и сейчас его вес был почти в норме. Но несмотря на то, что речь шла о какой-то лишней паре килограммов, он по привычке держался как раньше. Словно по-прежнему был, ну да, толстым.

Энцо вернулся на свое место с заточенным карандашом, и я решила не комментировать его наивную попытку выиграть время, в кои-то веки подавив в себе импульс съязвить. Минуту спустя он с довольной миной протянул мне ответ:

Это я-то глуп?
А кто себе кромсает
Пилою пальцы?

Я хихикнула – это был достойный выпад, и Ханна тут же нахмурилась. Первое предупреждение. Даже любимчикам следует знать меру, так что я подавила смешок, изобразив на лице крайнюю сосредоточенность. Я и в самом деле напряженно думала. Собственно говоря, я вообще только этим и занимаюсь. Тряхнув лезущей в глаза челкой, я написала:

Пилить-то круто.
А вот терять сознание
От вида крови...

Скулы просто сводило от еле сдерживаемого смеха. Я склонилась над тетрадкой, украдкой косясь на Энцо. Он выглядел крайне обиженным, но было неясно, наигранная ли это обида или настоящая. Может, я немного переборщила – он всегда стыдился своих слабостей. Он попытался отобрать у меня листок, но я не выпускала его из рук. Он дернул сильнее, и бумага с громким шелестом разорвалась пополам. Ханне стояла, склонившись над Симоном, который, как обычно, ничего не понимал. Она подняла голову и оглядела класс, но не так и не смогла отыскать источник звука. Мы с Энцо смотрели прямо перед собой, как ни в чем не бывало. Она с подозрением взглянула на нас и снова повернулась к Симону. Энцо тут же с остервенением бросился писать. Он что-то писал, зачеркивал, переписывал. Потом на мгновение задумался, уставившись в одну точку и поигрывая карандашом, зажатым между пальцами, и снова принялся писать. Я застыла в нетерпении. Прошло несколько минут. Я уставилась в окно. Школьный вахтер ехал по тротуару на газонокосилке. У меня опять глюки, или у него и правда комбинезон в крови?

Энцо продолжал строчить. Я прошипела:

– Господи, ты что там, поэму в семи частях пишешь, что ли?

Он не ответил. Мне надоело ждать, и я попыталась написать настоящее хокку, которое было бы не стыдно показать Ханне.

Хрустальный иней
Сияющим объятьем
Сковал деревья.

К весне это имело мало отношения, но я осталась довольна. По-моему, вышло довольно красиво. Я продолжила:

Блестки пылинок
Кружат над полным бюстом.
Ткань трещит по швам!

Я беззвучно хихикнула. Хокку вышло безупречным – и тебе изящное описание окружающего мира, и неожиданный поворот в третьей строке. Даже жаль, что я никогда не смогу его показать.

Энцо наконец-то сунул мне листок со своим хокку, вернее, с двумя, ухмыляясь во весь рот. Улыбка сползла с моего лица.

Это был нож в самое сердце. Энцо наверняка не специально. Я знаю, что не специально. Я сама напросилась, я всегда сама напрашиваюсь. Почему же тогда так больно?

Воображаешь:
Лучше всех – крута, умна?
Смех! А по правде

От такой, как ты,
Страшили отвернется
И мать родная.

Я выдавила из себя смешок, который прозвучал почти как настоящий, и сделала вид, что принялась писать новое хокку. Но на самом деле для меня игра закончилась.

Я выудила из кармана таблетку, закинула ее в рот и проглотила. Подождала четверть часа. Не помогло.

Боль не проходила.

Невинность и идиотизм

Я положила книгу на колени и посмотрела в окно. Мимо проносились бескрайние поля с невысокими побегам, березы с ярко-зелеными листьями и статные сосны. Все эти пейзажи окутывала легкая туманная дымка, как бывает ранним утром, хотя на самом деле время близилось к вечеру. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь пелену. Очень красиво. Обычно я любила читать в поезде, но в этот раз у меня не получалось. Я никак не могла сосредоточиться. Слова ускользали, не в состоянии зацепиться в моем сознании. Может, все дело в саднящем пальце, не знаю.

Я достала мобильный и рассеянно пролистала список контактов, так и не найдя никого, кому бы захотелось позвонить или отправить СМС. Не то чтобы у меня был огромный выбор. Я открыла браузер и зашла на папину страницу в «Фейсбуке». У него и то больше друзей. Четыреста шестнадцать. С ума сойти. За это время Дениз успела ему отправить запрос на добавление в друзья, какое-то приглашение и личное сообщение. Так что скоро у него их будет четыреста семнадцать.

Эта телка явно не собиралась ломать из себя недотрогу. Организовала бы его фан-клуб, раз такое дело – чего уж там. Совсем чокнутая. Маньячка, блин. Я нехотя открыла сообщение. Под ложечкой неприятно засосало.

Привет, Юнас!

Рада была с тобой познакомиться, надеюсь, наутро тебе было не слишком плохо... У меня потом два дня голова болела, но оно того стоило!;)

У меня тут завтра небольшая вечеринка намечается, так, ничего особенного, пара друзей заглянет в гости, вино, все дела. Ула, кстати, тоже будет. Ты посмотри, я тебе приглашение отправила! Это, конечно, несколько неожиданно, но вдруг ты сможешь? Сбор около восьми. Где я живу, ты знаешь...

У тебя же вроде как «свободные» выходные, да? (Кстати, хотела признаться, что я перед тобой просто преклоняюсь – могу себе представить, как тяжело одному воспитывать дочь-подростка! Столько

отцов наплевательски относятся к своим детям, а ты взвалил на себя всю ответственность – это более чем достойно восхищения! Понимаю, что тебе приходится несладко, тут с тобой не поспоришь, зато какой пример для подражания! Вот такие тебе дифирамбы!)

Ну и, конечно, очень надеюсь завтра с тобой увидеться...

Обнимаю,

Дениз.

Меня чуть не вырвало.

Охренеть!

Я зажмурилась. Потом еще раз, да так крепко, что под веками замельтешили светящиеся точки, крошечными вспышками отпечатываясь на сетчатке.

Охренеть!

Пример для подражания! Нет, вы слышали этот бред?! Какая офигенная, блин, заслуга – заботиться о собственном ребенке, появившемся на свет лишь потому, что тебе приспичило потрахаться! О ребенке, который, заметьте, вообще не просил его рожать! Расхваливать отца за то, что он «взвалил на себя ответственность», – все равно что восхищаться тем, что он раз в день ходит в сортир просрать. По-моему, так же естественно. Это, вообще-то, обязанность любого родителя.

Охренеть!

Не то чтобы другие пассии моего отца обладали хотя бы зачатками интеллекта, но чтобы до такой степени! Эта, безусловно, вне конкуренции! Я хлопнула ладонью по сидению и сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться: я вычитала в одной журнальной колонке, что так делают в стрессовых ситуациях, но мне это, конечно, не помогло. Интересно, это вообще кому-нибудь помогает?

И снова эта навязчивая мысль. *Ну почему она не звонит?*

Я взяла в руки бесплатную газету, оставленную кем-то на соседнем сиденье. Принялась рассеянно листать, не читая. На последней странице был раздел частных СМС-объявлений, длинная узкая колонка. Короткие сообщения с чудовищной орфографией следовали одно за другим. Раздражение тут же откликнулось подкожным зудом, как будто на меня напал рой разъяренной мошкары. Я пробежалась глазами по строчкам. Жалкие заверения в любви, отчаянные призывы откликнуться и унижительные признания разбитых сердец.

Нипонимаю, это дружба или чтото больше, чиво ты молчишь? Позвони, ты же знаешь как я к тебе отношусь.

Солидный мужчина ищет зрелую подругу для поездки в Путтгарден, Германия, на выходные.

Мерседес 300 с прицепом. Звони!

Всего месяц до переезда в семейное гнездо!

Идиотизм. Не что иное, как чистый, незамутненный идиотизм. Удивительно, как столь ничтожное количество слов может выдать умственную отсталость.

И вдруг –

Парень, ночевавший у меня в пятницу, – помимо моей невинности ты забрал ключ от прачечной. Зачем? Нет ответа. Нашим отношениям не хватает коммуникации. / Р.

Я бережно вырвала объявление из газеты и положила в кошелек. Теперь мне дышалось несколько легче. Я улыбнулась и уставилась на проплывающие мимо поля.

Молотом по башке

Когда я вышла на центральном вокзале Норрчёпинга, мамы, всегда меня встречавшей, там не оказалось. Я тщательно оглядела перрон, крутя головой из стороны в сторону. Кто-то садился в поезд, кто-то выходил, кто-то кого-то ждал, блуждая взглядом по перрону, как и я. Но ее и в самом деле нигде не было.

Очень странно. Мама никогда не опаздывала.

Я проследовала за толпой к большому белому зданию вокзала и вышла на парковку в надежде отыскать мамин темно-синий «сааб», но его там не было. Водитель такси, лениво жуящий жвачку, облокотившись на открытую дверь своего автомобиля, посмотрел на меня и вопросительно поднял брови, но я только покачала головой. Я что, похожа на человека, который ездит на такси?

Я вернулась в здание вокзала. Зал ожидания был почти пуст, не считая парочки замешкавшихся пассажиров. Какая-то старушка гордо несла свои седины, опираясь на ярко-красные поблескивающие ходунки, плавно скользящие по надраенному полу.

И тут меня ударило, будто серебряным молотом Тора по башке!

Не те выходные.

Я перепутала выходные.

Застыв на месте, я опустила сумку на пол, чтобы спокойно подумать.

Да нет, не может быть. На прошлых выходных я не приезжала, да и билет у меня куплен именно на сегодня. Я подняла сумку и вышла через центральный вход. Оперлась о белокаменную стену, сквозь пиджак ощущая лопатками ее шершавую поверхность. Прикинула несколько возможных вариантов. Столь же быстро их отмела.

Нет, мама не могла забыть, что я сегодня приезжаю. Она такие вещи не забывает.

Нет, она не предупредила, что куда-то уедет.

Нет, она не просила самостоятельно добраться на автобусе.

И нет, она никогда не опаздывает. Хотя, возможно, сейчас-то она как раз и того. Опоздала.

Туман рассеялся, солнце стояло низко, оранжевый блин на голубом небе. Я съехала по стене и села на сумку. Я прищурилась, глядя в лица прохожих, но мамы среди них не было. В конце концов я набрала ее номер. Зажмурилась, отчаянно желая, чтобы она сняла трубку, но, как и вчера, тут же включился автоответчик.

– Яна, привет, это я, Майя. Я тут стою на вокзале, ну и... скоро уже шесть, так что я подумала... Ты мне так и не перезвонила, я тогда поеду сама, на автобусе?.. Увидимся дома?.. Ты, наверное, уже слышала...

То есть папа тебе уже, наверное, рассказал, что я вчера отпилила себе кусок пальца. Случайно, ты не подумай. Э-э... ну ладно. Пока?..

Да, сообщение вышло несколько странным. Кажется, мне не очень удался тот легкий, беззаботный тон, который я себе представляла.

На душе скребли кошки.

Я встала и огляделась по сторонам, потом взяла сумку и сделала несколько нерешительных шагов. Пропустив трамвай, я пересекла Северный променад. Медленно прошла через ухоженный парк Карла Юхана, перешла мост Сальтэнгсбрун, бросив взгляд на стальную поверхность реки. Я не выпускала телефон из рук. Мне, конечно, следовало бы попросить ее перезвонить – я надеялась, что это и так было понятно, но с Яной ни в чем нельзя быть уверенной. Она не всегда улавливает такие вещи.

Я вышла на Дроттнингсгатан и побрела в сторону центра. Улицы были пустынные – в общем, как всегда, но сегодня мне они казались особенно заброшенными.

У городской ратуши меня нагнал трамвай номер три, и я доехала на нем до Южной таможни, где мне пришлось немного постоять у футуристического здания библиотеки из стекла и бетона в ожидании автобуса в Смедбю. Все это время я разглядывала музей искусств с его гигантской вращающейся спиралью, всегда наводившей меня на мысли о средствах контрацепции.

Я искренне пыталась ни о чем не думать, но это было чертовски сложно.

Я всегда слишком много думала.

* * *

Роясь в сумке в поисках ключей, я отметила, что маминой машины у дома тоже нет. Ключ легко вошел в замок, как будто его только что смазали. Не то что дома, в Эрнсберге, где приходилось как следует приналечь на дверь, чтобы повернуть ключ в замке. Я открыла дверь и вошла.

– Ау? Яна?

Ноль реакции. Тишина.

Только на кухне затарахтел холодильник и тут же умолк. Когда за мной захлопнулась дверь, мне показалось, что я очутилась в вакууме.

Я вдруг осознала то, о чем догадывалась с самого начала.

Мамы здесь нет.

Кризис и развитие...

Так, нужно сохранять присутствие духа, рассуждать логически. Наверняка есть какое-то разумное объяснение ее отсутствию. Я на цыпочках прошла по коридору мимо гостиной прямо в кухню. Тишина. Оглушительная тишина.

Я огляделась по сторонам. Стол с непарными стульями, столешница и заброшенная плита. У кухонного шкафа громоздилась стопка газет – еще немного, и она окажется выше меня. Ничего не понимаю. Что-то здесь явно не так. Сначала я даже не уловила, что именно. Но потом меня осенило.

Раковина. Нагромождение посуды. Тарелки с остатками еды, липкие кастрюли и чашки со следами кофе грозят вот-вот вывалиться на пол.

На маму это не похоже.

Совсем.

Мама, которой непременно нужно было ополоснуть стакан, стоило лишь прикоснуться к нему губами. Я снова почувствовала, как пульсирует кровь в пораненном пальце.

Пронзительный оглушительный визг.

Стук металлических зубцов о камень.

Плоть. Обнаженная, беззащитная.

Кровь. Сколько крови.

Звук моего дыхания застучал в ушах, как в усилителе. Бочком, бочком я вышла из кухни и переместилась в гостиную. Потертый черно-зеленый диван в стиле семидесятых, шаткий столик, заваленный журналами, книжные полки, прогибающиеся под тяжестью книг, выглядывающих из каждой щели. Я развернулась и бросилась бегом на второй этаж. Ступеньки поскрипывали подо мной.

Ее кабинет пребывал в полном порядке. Стул аккуратно пододвинут к столу. Стопки книг и бумаг, всевозможные журналы: «Современная психология», «Психолог», «Европейский журнал психологии».

Я медленно направилась к своей комнате, чувствуя, что сердце того и гляди выпрыгнет из груди. И вдруг я заметила какое-то движение. Словно что-то промелькнуло в дверном проеме. Что-то белое. Может, платье. Я замерла.

– Яна? – позвала я.

В голосе сквозили жалобные нотки. Или испуг?

Никто не ответил. Быстрым, резким движением я толкнула приоткрытую дверь. Она распахнулась – так распахиваются двери в гангстерских фильмах. Со стуком ударилась о стену и тут же захлопнулась.

Но этого хватило.

Там никого не было.

Я снова открыла дверь, на этот раз осторожнее. Комната и правда была пуста. Пустая незаправленная постель, пустой стул за рабочим столом, кресло за спинкой кровати тоже пусто, не считая моих забытых черных джинсов.

Окно было открыто, ветер колыхал белую занавеску.

* * *

Я спустилась в гостинную и обессиленно села на диван. Палец болел, как проклятый. Я зажмурилась и откинулась на бугристые диванные подушки.

Я вдруг поняла, на что все это время понапрасну надеялась и что искала. Записку. Записку, которая бы все объяснила. Где было бы написано, что она пыталась со мной связаться, но не смогла дозвониться. Что ей очень жаль, но она задерживается по работе и *скоро, очень скоро* приедет домой. Ну и – чем черт не шутит? – может, даже «обнимаю, мама» в самом конце.

Я горько хмыкнула. Кого я обманываю? Мама никогда в жизни не стала бы писать «обнимаю, мама». Ни «обнимаю», ни «мама». Она была Яной. И для меня, и для всех остальных. Так было всегда. Только про себя я называла ее мамой. Ну и если мне приходилось упоминать ее в разговоре с посторонними. Чтобы избежать недоумения по поводу того, что я называю собственную мать по имени.

Ну а что касается «обнимаю»... Ей это вообще было чуждо – как слово, так и действие. До недавнего времени – буквально пару лет назад – ее объятия были крайней редкостью. Когда же в одно воскресное утро я, робко откашлявшись, выдавила из себя, что не возражала бы, если она хоть изредка меня обнимала, мама удивленно оторвалась от газеты. Она принялась меня подробно расспрашивать – словно принимала заказ. Когда и где ей следует меня обнимать, интересовалась она. И сколько раз, есть ли у меня конкретные пожелания? Я смущенно пробормотала что-то типа: «Ну, может, когда я приезжаю и уезжаю», – конечно, если она не возражает. Например, на перроне? Так же вроде бы принято, когда люди давно не виделись или надолго расстаются... Мама задумчиво кивнула, не сводя с меня серо-зеленых глаз. Наконец она ответила, что считает это «разумной просьбой», и снова погрузилась в чтение.

После этого я регулярно получала заказанную порцию объятий – каждый раз одинаково неловких. Руки ее вечно оказывались не там, где надо, и были напряжены, лицо – или слишком далеко, или слишком близко. Но чаще далеко.

Кроме того, она явно не знала, как завершить объятие. Просто неожиданно отпускала меня, не глядя в глаза. Отворачивалась, безвольно опустив руки, и устремляла взгляд куда-то вдаль.

И вот именно этот момент, секунда, когда она отпускала меня, опустив руки... Никогда еще я не испытывала более леденящего одиночества. Оно будто продувало меня насквозь. И как же сложно было после этого сесть в поезд. Ноги прямо-таки вросли в перрон.

Нет, эти объятия никогда не давались ей, иногда я почти жалела, что вообще о них попросила. Но она ни разу о них не забыла.

Я поднялась с дивана. Еще раз набрала мамин номер. Продолжая слушать гудки, пересекла гостиную, направляясь в коридор. У самого порога паркет привычно за скрипел. Я остановилась перед пыльным зеркалом в коридоре. С некоторым отчаянием взглядела в свое отражение, отметив, что отчаяние мне, в общем-то, к лицу. Вы только взгляните на этот печальный блеск глаз! А эта благородная бледность, оттеняющая робкий румянец скул? Может, мне стоит почаще впадать в отчаяние?

Да что это со мной?

Я хлестнула себя по щекам. Раз, два – две звонкие пощечины по тем самым румяным скулам. Щеки запыхали, и я будто очнулась ото сна. Растерянно огляделась по сторонам. В большом пальце снова запульсировала кровь.

Да что это со мной?

А если с мамой что-то случилось? Действительно что-то стряслось. А я тут стою и... *заигрываю* со своим отчаянием.

Я еще раз позвонила. Пока в трубке раздавались гудки, я с удивлением обнаружила, что мой палец рассеянно выводит член на пыльном зеркале.

Тут мне послышался какой-то звук. Нарастающее пиликанье, доносящееся с противоположного конца дома. Я застыла, боясь пошевелиться. Так может, она все-таки тут? Может, она упала и не может подняться – и теперь лежит, совершенно беспомощная?

Я прошла по коридору, миновав гостиную, и замерла. Окинула взглядом лестницу, дверь спальни. Маминой спальни. Там я еще не была. Звук явно шел оттуда.

Ну конечно!

Там.

Почему я сразу там не посмотрела.

А если она...

Дверь была приоткрыта, и я осторожно заглянула в комнату. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди...

...А что, если она... если она там...

Но ее там не было.

Кровать была не застелена. Если бы я не знала маму, я бы подумала: ага, значит, она уходила в спешке. Но нет. Мамина кровать никогда не заправлялась, так что делать выводы было рано. На прикроватном столике, рядом со стопкой книг – семь, восемь штук, – силиконовой каппой для зубов и стаканом, наполовину наполненным водой, лежал мамин мобильный. Сигнал напоминал драматичную заставку к программе новостей. Я взяла телефон в руки. На дисплее мигала надпись: «Майя, мобильный».

* * *

Телефон выдал еще несколько приглушенных апокалипсических трелей и умолк. Мне показалось, что на меня надели звуконепроницаемый колпак. Дом был наполнен оглушительной, тревожной тишиной.

Это уже было *совсем* не похоже на мою маму – уйти из дома, оставив мобильный.

Я легла на ее кровать. Натянула на голову одеяло в сиреновом пододеяльнике и закрыла глаза. Втянула в себя запах ткани. Белье явно давно не меняли – не то чтобы оно плохо пахло, но от него веяло какой-то затхлостью и чем-то еще – сладкий, цветочный запах.

Голова моя отказывалась соображать, и я со всей силы сжала большой палец, который послушно откликнулся тупой болью. Я зажмурилась. Стало трудно дышать – высвободила голову из-под тяжелого одеяла.

– Она скоро придет, – произнесла я вслух.

Мой голос звучал спокойно, внушая доверие. Очень убедительно.

Я изобразила на лице «непоколебимую уверенность». Гладкий лоб, широко раскрытые глаза, мягкая улыбка. Прошла минута. Две. Лицо начало сводить судорогой.

Непоколебимая уверенность. Непоколебимая уверенность.

Я сфотографировала себя на мобильный.

Выражение моего лица и отдаленно не напоминало непоколебимую уверенность. Скорее полную лоботомию.

Фак!

Я яростно замотала головой, завопила и высунула язык. Сжав в руке мобильный, снова зажмурилась. Пока дисплей охлаждал щеку, я изо всех сил пыталась сообразить, где мама может быть.

* * *

Пока я лежала под одеялом, мне вдруг пришло в голову, что нужно позвонить папе. Какое-то мгновение я всерьез обдумывала этот вариант. Только что он-то может поделаться? Мне бы пришлось уехать домой, а этого совершенно не хотелось. Опять тащиться на вокзал и садиться в поезд только для того, чтобы обломать ему кайф, лишив его дурацкой пьянки, от которой он бы сто пудов отказался, лишь бы я не узнала, какой развратной жизнью он живет. Тоже мне новость. Но главное, мне не хотелось давать ему еще один повод сердиться на маму.

Я снова посмотрела на экран ее телефона. Несколько пропущенных звонков, что само по себе необычно. Первый – еще в среду. Дальше следовали наши с папой вчерашние звонки и номер моего телефона. Непрочитанные сообщения на автоответчике. Она что, со среды их не слушала? Значит, она не знает про мой палец?

Я пролистала список ее контактов. Он был невелик – номеров пятнадцать, но из них мне были знакомы лишь несколько, не считая папиного, моего и маминых родителей, моих бабушки и дедушки в Германии. У мамы с друзьями тоже было не очень. Но она от этого, по моему, не очень страдала. Не то что я. Такое ощущение, что ей вообще никто особенно не нужен.

Жалобная мысль резким уколом: «*Даже я?*»

По телу пробежала дрожь, как от озноба, и я плотнее закуталась в одеяло.

Я отыскала в телефоне номер университета и набрала его, всячески убеждая себя, что она наверняка там. Просто задержалась на работе, а ту записку сдуло ветром со стола, когда она захлопнула дверь.

Обнимаю, мама.

Ответила женщина с таким смешным выговором, что я не сдержала улыбки. Она переключила меня на мамин телефон, и в трубке тут же зазвучал автоответчик.

– Здравствуйте, вы позвонили Яне Мюллер, институт психологии. Оставьте ваше имя и номер телефона, и я вам обязательно перезвоню. Произносите номер четко и внятно.

Положив трубку, я произнесла, предельно четко и максимально внятно:

– Привет, это Майя, твоя дочь. Сегодня пятница, и я у тебя. На этой неделе мои выходные. Или твои выходные, это как посмотреть. Наши выходные. Помнишь? Позвони, я отпилила себе палец и нуждаюсь в материнской заботе.

Хм. Ну и что теперь? Я перевернулась на бок и принялась разглядывать корешки книг. «Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия» Эмми Ван Дорцен, «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда, «Кризис и развитие» Юхана Куллберга.

Мне неожиданно вспомнилось сегодняшнее число. Пятница, тринадцатое. Может, все же не такая уж это и глупость? Может, и правда что-то произошло? Какой-то несчастный случай?

А что если она... с ней...

В таком случае это было бы настоящей насмешкой судьбы. Моя мама настолько лишена предрассудков, что ей непременно нужно демонстративно пройти под лестницей или бросить ключи на стол.

Я открыла ногой ящик прикроватного столика – он поддался не сразу – и смахнула туда силиконовую каппу. Не могла на нее больше смотреть. Честно говоря, было немного противно. Я встала и громко произнесла вслух:

– Ну что, будем развиваться в ситуации кризиса?

Сатанинский заговор

Я натянула на себя старый бледно-желтый пуховик, найденный в гардеробе, и подтащила матрас к летнему креслу-шезлонгу, которое так и стояло на веранде. Мама оставила его там на всю зиму, и оно слегка заржавело на стыках.

Летом я часто проводила здесь свои выходные. Именно здесь, в этом шезлонге. Мама в паре метров от меня, в точно таком же, погруженная в книгу. Она всегда читала. Книги по психологии. Всегда. Изогнутая шея, склоненная голова, как у фламинго. Вот откуда взялась идея. То есть полка. Полка для книг.

Говорили мы редко, но иногда она интересовалась моим мнением по поводу какого-нибудь прочитанного абзаца. Например, про близость, про развивающую психологию или различные формы терапии. Вещи, в которых я ничего не смыслю. Ничего, говорила она, ей все равно важно знать мое мнение – и внимательно выслушивала меня, сосредоточенно сдвинув брови. Она всегда пыталась понять, что именно я имею в виду, и задавала массу уточняющих вопросов. Это ее внимание внушало мне чувство собственной значимости, ощущение, что она принимает меня всерьез. Но иногда мне было непросто идеально точно сформулировать свои мысли, и я чувствовала себя припертой к стенке под этим ее пронзительным взглядом и градом вопросов: «Как это?», «Что ты имеешь в виду?».

Я села, шезлонг заскрипел, и спинка откинулась до упора. Оказывается, в лежачем положении отсюда открывается целый космос. Холодный прозрачный воздух, синее небо, бледнеющее возле самого горизонта. Я услышала, как где-то неподалеку остановилась машина – под колесами захрустела щебенка, заглох мотор. Мне даже показалось, что я вижу падающую звезду. А может, это самолет, заходящий на посадку в местном аэропорту? Надо бы загадать желание, подумала я.

Однажды, когда мама еще была беременна, она увидела падающую звезду. И впервые в жизни она поддалась суеверию и загадала желание.

Она загадала, чтобы у нее родилась девочка. Так она мне рассказывала.

Она хотела, чтобы у нее появилась я.

«Видимо, гормоны», – добавила она.

И все же. Она мечтала обо мне.

Ну а я – я мечтала о маме.

Тело мое расслабилось, наполнилось тяжестью. Меня охватила приятная усталость, мысли приплывали и уплывали, как облака, медленно скользящие по вечернему небу. Я чувствовала запах земли и влаги, слушала, как шуршат в воздухе осенние листья. Все это было

так приятно, что я почти забыла, что вот уже несколько часов, как мама моя исчезла, пусть пока и не в розыске.

Проснулась я от дуновения прохладного ветерка на моей щеке. Огляделась по сторонам. Я понятия не имела, сколько проспала. А что если взять книгу и сесть почитать? Сделать вид, что все в порядке?

Может, тогда она придет домой?

Я поднялась с шезлонга и не обуваясь пошла в дом. Носки тут же намокли – еще бы, как-никак апрель. Я сняла носки, повесила их на батарею, затем вытащила какую-то книгу из стопки на столе и направилась к своему шезлонгу.

Не успела я сесть, как ногу обожгла острая боль, словно меня ужалила оса.

Мне снова пришлось вернуться на кухню. Опершись о кухонный стул, я вывернула ступню к свету. Ну конечно. Три здоровенные темные занозы вонзились прямо у основания пальцев. Одна длиной в полсантиметра, а две другие – больше сантиметра.

– Да что за чертовщина-то такая?! Можно подумать, я стала жертвой сатанинского заговора!

Я прохромала в ванную в поисках пинцета. Обшарила все шкафчики, полки и даже две плетеные корзины, которые маме наверняка кто-то подарил. Как оказалось, большинство предметов в маминой ванной не имеют ни малейшего отношения к водным процедурам, будучи преимущественно изготовленными из материала, не отличающегося водостойкостью, а именно бумаги. Книги, газеты, квитанции. А, ну да, и туалетная бумага. Целая запечатанная упаковка на дне ванны.

Кто-нибудь может мне объяснить, зачем хранить чеки из продуктового магазина в маленькой корзиночке на унитазе? Очередной вопрос, который мне хотелось бы задать маме при встрече. Удивительно, что я никогда раньше не обращала на это внимания, хотя теперь припомнила, что корзиночка стоит там уже не первый год. Мамино отсутствие как бы вдруг сделало все странности особенно заметными.

А вот пинцета-то как раз и не было, как ни ищи. Это даже хуже, чем палец отрезать, подумалось мне, и стоило мне вспомнить про палец, как боль тут же ожила, отозвавшись резкими гулкими толчками. Я села на пол и попыталась вытащить занозы голыми руками, но вывернуть стопу так, чтобы на нее падал свет, оперируя всего одной рукой, оказалось сложно. Мне почти удалось подцепить одну занозу, и я уже предчувствовала сладкий вкус победы, как вдруг она сломалась, оставив меня ни с чем.

По крайней мере в первом раунде.

К черту Интернет

У соседей справа, в бело-серой вилле из силикатного кирпича, свет не горел. Машины у входа тоже не было. Дом же слева утонул в огнях, и, прислушавшись, я даже смогла различить ритмичное басовое «дынц-дынц». У входа стояло две машины – желтая американская спортивная тачка и старый проржавевший «вольво» вишневого цвета.

Я позвонила к соседям справа. Ну еще бы, наверняка там кто-то притаился в темноте, желательно какая-нибудь медсестра, которая только и делает, что дезинфицирует ноги и быстро и безболезненно вытаскивает занозы. Через пять минут непроницаемой тишины, нарушаемой только упорными звонками в дверь, пришлось признать: в доме действительно никого нет, что, впрочем, и так было понятно.

Я нехотя побрела ко второму дому.

Какое-то время я разглядывала людей,двигающихся в желтом свете. Их освещенные радостные лица говорили об общности, сопричастности. Я почувствовала себя девочкой из сказки Андерсена, ну той, со спичками.

Только мои спички – вернее щепки – сидели в ноге.

Черт.

Какое-то мгновение я обдумывала, не вернуться ли мне домой, но, переместив тяжесть на ступню с занозами, пришла к выводу, что нужно срочно что-то предпринять. Да и чувствовала я себя, честно говоря, довольно одиноко.

Я набралась смелости, прохромала к двери и позвонила. Подождала. Ноль реакции. Я позвонила еще раз. Подождала. Никто не открывал. Я осторожно нажала на ручку двери. Не заперто. Я остановилась. Сделала глубокий вдох – и распахнула дверь.

На меня обрушился шквал звуков – музыка, крики, смех.

Короче, тусовка.

Тусовки – это, вообще-то, не совсем мое. По крайней мере, те, на которые я имела честь быть приглашенной. Мне они казались слишком хаотичными. Мне не хватало конкретики, руководства к действию. В чем фишка-то? Что нужно *делать*? Я, конечно, понимала, что смысл в социализации, я все же не совсем тупая. Но все это было для меня настолько расплывчатым и неопределенным, что я просто терялась. Казалось бы, добавь какое-нибудь конкретное занятие, боулинг, пинг-понг – да любую хрень, – и все тут же обретет смысл. Но просто стоять и трепаться, напиваясь в течение семи часов подряд, – нет, я так не могу. Только не без дела. К счастью, такие страдания выпадали на мою долю нечасто. Не могу сказать, чтобы меня засыпали приглашениями.

Я вошла в дом. Сердце колотилось так, будто я шла на собственную казнь. Как индеец, я прокралась на цыпочках по коридору. Отчасти потому, что идти по-другому из-за заноз я просто не могла, отчасти от страха.

Я прошла по коридору – никого. Чуть дальше – никого. И вдруг я увидела всех сразу. Они были на кухне. Я чуть попятилась, выглядывая из-за дверного косяка. Большинству гостей было лет двадцать – двадцать пять. Они стояли группами по три-четыре человека, трепались и смеялись так громко, что уши закладывало. Контраст с маминым пустынным домом был разительный.

– Простите?.. – обратилась было я.

Но мой голос потонул в шуме. Будто ему здесь было не место, среди их говора с округлым «Л» и растянутыми гласными. Какой-то парень в шляпе на пару размеров меньше нужного раскатисто захохотал, схватившись за живот и согнувшись в три погибели. Шляпа слетела, но он не обратил на это никакого внимания.

Меня никто не замечал. Раздался пронзительный женский голос:

– Ой, не могу, хорош шутить, у меня аллергия!

Я не сразу сообразила, что она имела в виду аллергию. Я прокашлялась и повторила чуть громче:

– Простите... Здравствуйте!

Темноволосый парень с ярко-оранжевыми веснушками обернулся и окинул меня безразличным взглядом. Веснушек было так много, что местами они сливались в целые островки, из-за чего его щеки казались грязными. Он критически осмотрел меня с головы до ног. То есть в буквальном смысле. Волосы. Лицо. Грудь. Перевязанная рука.

Я вдруг вспомнила, что на мне потертый желтый пуховик – оставалось только надеяться, что его убожество прокатит за винтаж, хотя я и сама понимала, что шансов никаких. На конопатом была довольно странная футболка – хот-дог с банкой лимонада в позе «Дай пять!». Он выплюнул в ладонь жевательный табак, и мокрый ошметок дугой полетел через полкухни прямо в раковину. Потом оглядел мои босые ноги и повернулся обратно к своим друзьям.

Я продолжала стоять, не зная, что теперь делать, и соображая, как бы тихонько отсюда выбраться, не привлекая внимания. Передвинула одну ногу, затем другую. Я уже почти добралась до коридора, когда какая-то платиновая блондинка с короткой челкой, заканчивающейся в

трех-четырёх сантиметрах над бровями, отделилась от группы гостей. При каждом шаге бедра ее покачивались, как если бы она шла по подиуму, а на ногах были черные сапоги на высоких шпильках, острых, как карандаши. Она чем-то напоминала Дебби Харри, солистку *Blondie*. С виду ей можно было дать двадцать четыре или двадцать пять.

– Ты что, лунатик? – спросила он, отхлебнув что-то ярко-зеленое. Она не сводила с меня глаз, прищурившись поверх бокала.

Будучи застигнутой врасплох, я так смутилась, что не смогла вымолвить ни слова, только молча смотрела на нее, широко распахнув глаза. Вид у нее был довольно вымотанный, будто она не спала несколько суток подряд. Молочно-белая кожа, на губах ярко-розовая помада, желтое платье с глубоким вырезом, под которым, насколько я могла судить, ничего не было.

– Какой у тебя красивый цвет... волос, – тягуче произнесла она. В ее речи сквозил легкий акцент – возможно, английский, – а голос был хриплым, как наждачная бумага. Как будто она выкуривала по две пачки сигарет в день с самой конфирмации.

Она отвела мою длинную, ничем не примечательную черную челку с лица, продолжая вести рукой до самого виска, где волосы были выбриты, а кожа такая тонкая, что прикосновение пронизывало насквозь. Я вспомнила, что не успела подбрить виски.

– Ты что, уже уходишь? Все же только начинается! Сейчас будем танцевать!

Я снова прочистила горло, но и на этот раз не успела ничего ответить. Она тепло улыбнулась и потянула меня в сторону кухни. Я нехотя последовала за ней. Как только мы вошли, она молча выпустила мою руку и решительно раздвинула смеющуюся толпу. И вдруг захлопала в ладоши, громко, резко, как нетерпеливая учительница, требующая внимания детей. Чуть пошатнувшись на высоченных каблуках, она уперла руки в боки, стараясь удержать равновесие. Не самая непринужденная поза.

– Внимание, внимание!

Все лица повернулись к ней. Кто-то с веселым любопытством, кто-то с легким раздражением.

– У меня один вопрос!

Какой-то парень с не подходящим столь юному возрасту количеством татуировок на руках выкрикнул:

– Ответ: да! Нет проблем, кровать у меня широкая, презики с собой!

– Размечтался, – ответила Дебби, закатив глаза. – Повторяю, у меня вопрос.

– Ты это уже говорила, – напомнила девица с длинными кудрявыми волосами. Театрально запрокинув голову, она отпила пиво из банки. Кудри рассыпались по плечам, как в рекламе шампуня. Не в замедленной съемке, конечно, но все же.

– Короче, я... – предприняла очередную попытку Дебби.

– Хорош уже, говори давай! – заорал чувак в тесной шляпе.

– Да ЗАТКНЕТЕСЬ вы или нет! – завопила Дебби так, что я вздрогнула. Она бешено огляделась по сторонам. Глаза потемнели от ярости.

– *Fucking farmers!*² Дадите вы мне, наконец, задать чертов вопрос!

– Да задавай уже, блин! – откликнулась девица из рекламы шампуня.

– Я и пытаюсь! Короче, умеет здесь кто-нибудь музыку скачивать? Хочу послушать *“Five minutes”*³ Джастина Тимберлейка, – сказала Дебби.

Голос ее стал резким от возмущения. Она продолжала:

– У меня ничего не получается. Может мне кто-нибудь помочь?

Кто-то произнес:

² Чертова деревенщина! (англ.)

³ «Пять минут» (англ.).

– А про «Спотифай»⁴ не слышала?

– Да нет ее там! Нужно еще где-нибудь поискать.

– Может, все потому, что она называется «Четыре минуты», а не пять? – предположил парень с хот-догом на футболке.

Дебби прошипела:

– Думаешь, я не знаю, как она называется? «Пять минут», а никаких не четыре.

Она одарила его таким взглядом, что я аж вздрогнула. Чуваку с хот-догом явно было по барабану.

– В таком случае он написал еще одну, потому что та, которую он сделал с Мадонной, называется «Четыре минуты», спорю на миллион!

– Возьми свой миллион и засунь себе в задницу! Она называется «Пять минут»!

Дебби была вне себя от бешенства.

– Ладно, поможет мне кто-нибудь или нет?

Со стороны кухонного стола донеслось:

– После того, как ты нас обозвала деревенщиной? Сомневаюсь.

Дебби выругалась, пошатнулась и упала прямо на сервант с большими стеклянными створками. Послышался грохот и оглушительный звон разбивающихся чашек и бокалов. Когда последний осколок звякнул на полу, я заметила, что музыка стихла.

Дебби с трудом поднялась на ноги, поправила платье и мотнула головой. Потом повернулась ко мне. Тонкий указательный палец нацелился прямо мне в нос. У нее были короткие ногти с ободренным розовым лаком.

– Эй, ты! Ты ведь вроде как молодежь, так?

Я смущенно огляделась по сторонам. Взгляды, обращенные к ней, теперь переметнулись на меня. Липкие, словно клей. Я машинально прижала забинтованную руку к груди, бережно обхватив ее правой. Казалось, болят даже кости, если такое вообще возможно.

Дебби шагнула ко мне, по-прежнему тыча пальцем.

– Э-э... ну да.

Можно сказать и так. Хотя она сама тоже вроде как не на ладан дышит.

– Ну а молодежь должна разбираться в технике, так? Это, типа, у них в крови. Интернетом живут, Интернетом питаются, Интернетом срут, Интернетом подтираются. Ты ведь умеешь скачивать? Знаешь, что нужно делать?

Я шаркнула ногой по полу, как старая нервная кобыла.

– Ну... лично я не подтираюсь... Если честно. Боюсь, я не смогу помочь. Прости.

Вообще-то я могла ей легко помочь скачать эту песню. Но атмосфера была столь накаленной, что я просто побоялась. А так – еще как подтиралась! Хакером меня, конечно, не назовешь, но Интернетом я подтиралась не хуже любого другого моего сверстника. Хотя, подозреваю, несколько иначе. Я всегда гордилась, что использую сетевые ресурсы исключительно по назначению. А именно – для поиска информации.

А не для того, чтобы выкладывать фотографии себя во всевозможных унижительных позах. И не для того, чтобы вести онанистично-эгоцентричный блог о том, что я только что сожрала или купила, теща себя надеждой, что это хоть кому-нибудь интересно. И не для того, чтобы коллекционировать воображаемых друзей в какой-нибудь дутой социальной сети с рекламными баннерами, доводящими до эпилепсии. И не для того, чтобы нажать «лайк», как только один из этих воображаемых друзей напишет что-то вроде: «Смотрим кино с Каттой и Йесси! Класс!» Если тебе так классно, зачем трюндеть об этом в «Фейсбуке», вместо того чтобы получать удовольствие? И зачем об этом знать другим таким же дебилам?

Чертыхаясь, Дебби пошла прочь.

⁴ «Спотифай» (англ. "Spotify") – шведский сервис для прослушивания музыки онлайн.

– Черт, неужели так сложно послушать Джастина, блин, Тимберлейка?!

Комната погрузилась в тишину, как будто всех накрыли одеялом.

Это было невыносимо.

Обычно мне это нравится, я люблю тишину, в ней часто куда больше смысла, чем в разговорах, но конкретно эта тишина была невыносимой. Мне ужасно захотелось ее нарушить, но в голову не пришло ничего лучше, чем:

– Э-э... Ни у кого случайно не найдется пинцета?

Джастин Кейс⁵

Я сидела на унитазе, а моя босая ступня болталась сантиметрах в десяти от сосредоточенного лица совершенно незнакомого мне молодого человека. Он сидел передо мной на корточках – если не ошибаюсь, несколько минут назад он представился Джастином Кейсом. Может, псевдоним. А может, шутка. Кто его знает.

С виду около двадцати трех, высоченный – это бросалось в глаза, даже когда он сидел. Метра два, не меньше. У него были самые голубые глаза из всех, что мне приходилось когда-либо видеть, и светло-рыжие волосы, гладко зачесанные на бок, из-за чего он слегка смахивал на Гитлера. Надеюсь, на этом сходство заканчивалось.

На нем были узкие выцветшие джинсы, некогда красные, но со временем ставшие розовыми, и белая футболка с непонятным черным рисунком – то ли чей-то портрет, то ли еще что. Судя по тому, как решительно он взял инициативу в свои руки и с какой легкостью ориентировался в ванной, это был его дом. Правда, я не припоминала, чтобы когда-нибудь раньше его видела, хотя мама здесь живет уже лет двенадцать, не меньше. С другой стороны, не то чтобы мы особо общались с соседями.

В дверях стояли три девчонки, молча наблюдая за нами. Одна из них, миниатюрная, как Дюймовочка – будто сделанная в масштабе 1:2, – обернулась к подругам и что-то прошептала. Я взглянула на нее.

У нее были светлые короткие волосы и такая тонкая кожа, что она казалась совсем прозрачной.

– Как это бообще случилось? – строго спросил Джастин, но из-за насморка это прозвучало несколько комично.

– Э-э... ну, я вышла на веранду... здесь, у мамы – вы же соседи, да? Она живет... там, в красном доме.

Я наобум махнула рукой куда-то влево.

– И как тебя зовут?

– Майя. Майя Мюллер.

– Майя. Ты что же, носков не носишь?

– Почему? Ношу... Но в тот момент была без носков.

Он внимательно изучал мою ногу, а мне оставалось лишь молить Бога о том, чтобы от нее не воняло. Мне вспомнилась мамина ненависть к носкам, ее вечные разглагольствования о том, как от них преют ноги, становясь потными и вонючими. Первым делом, придя домой, она стаскивала с себя носки – резким, почти агрессивным движением, как будто те нанесли ей смертельное оскорбление. При первых же признаках весны, как только позволяла погода, она переобувалась в босоножки и не вылезала из них до заморозков. Я всегда надеялась на ранние морозы, поскольку стыдилась ее голых ног в октябре. Дома она ходила исключительно босиком, непрестанно уговаривая меня следовать ее примеру, хотя я сто раз ей объясняла, что

⁵ «Джастин Кейс» – персонаж одноименного телевизионного фильма.

предпочитаю ходить в носках и что меня они не раздражают так, как ее. Она только качала головой – это не укладывалось в ее сознании. Не поддавалось пониманию.

– Пинцетом здесь не обойтись, – сурово констатировал Джастин и продолжил: – Слишком глубоко сидят.

Я сглотнула. Он выпустил мою ногу и потребовал у Дюймовочки, стоящей в дверях, булавку, которой была заколота ее кофта, выкроенная из одного куска.

– Полагаю, вы знаете, что сейчас апрель? – неожиданно спросил он, не сводя глаз с моей ступни.

Я посмотрела на девочек в дверях, но они молчали.

– Это ты со мной разговариваешь? – переспросила я.

– А с кем же еще? Так знаете или нет?

– Я... да, вообще-то, знаю. Апрель, – тихо ответила я и кивнула, не глядя на него.

Я не осмеливалась посмотреть ему в глаза. Он что, шутит?

– И вы считаете, ходить босиком в апреле – это разумно? – строго продолжал он.

Я осторожно покосилась на него.

– Ты шутишь?..

Он мельком взглянул на меня и насмешливо улыбнулся.

– Ага.

Светловолосая девочка-эльф проскользнула в ванную и протянула ему булавку, одной рукой придерживая кофточку. Я посмотрела на нее, но она застенчиво потупила глаза. Сквозь полупрозрачную кожу просвечивали голубоватые вены, тончайшей сеточкой опутавшие веки. Казалось, от нее исходит светло-фиолетовое сияние.

Джастин ее даже не поблагодарил. Вместо этого он достал зажигалку и принялся прокаливать кончик булавки. Через пару секунд металл стал ярко-оранжевым. Я сглотнула. Он подул на острие.

– А с пальцем у тебя что? – спросила подруга Дюймовочки, девица в огромных очках в черепаховой оправе. В ее речи проскальзывал провинциальный говор, хотя она изо всех сил старалась его скрыть.

– Я его отпилила.

– Что-что ты с ним сделала? – забывшись, ахнула она, и деревенский выговор тут же дал о себе знать.

– Отрезала. Электропилой.

– И зачем?

Она сделала шаг вперед, стараясь рассмотреть меня получше.

– Так, надоел.

Выдержав паузу, я снисходительно улыбнулась – чересчур поспешно, обычно мне удается выдержать паузу, с Энцо, при желании, я могу продержаться целую минуту, – и добавила:

– Да нет, шучу. Несчастный случай. Я книжную полку выпиливала.

– Ты что, в ремесленном учишься?

– Нет, это был урок скульптуры.

– А почему ты выпиливала полку на уроке скульптуры?

Она поправила очки на переносице.

– А полка что, не скульптура?

– Ну, не знаю... Не уверена...

Нет, ну надо же, до чего народ консервативный пошел!

Джастин повысил голос:

– Так, сиди спокойно!

Я почувствовала резкий укол булавки. И еще один. И еще. Время от времени Джастин сменял булавку на пинцет. Я старалась не смотреть, но блестящие металлические орудия в его руках притягивали мой взгляд.

– Есть! Достал!

Он торжествующе продемонстрировал нам здоровенную занозу. Мне стало дурно. Девочки в дверях зааплодировали, а Дюймовочка ободряюще мне улыбнулась.

Через несколько минут он выудил из моей ноги вторую занозу, но подцепить третью никак не удавалось – она сломалась сразу в двух местах.

– Сейчас, сейчас, надо вот только кожу тут немного распороть...

Перед глазами у меня почернело. Всего на долю секунды, но поскольку на мне были синтетические штаны и пуховик, а сидела я на гладкой фарфоровой крышке, этого хватило, чтобы соскользнуть на пол, ударившись затылком об унитаз. Ровно тем же местом, которым стукнулась днем ранее. И ровно тем же местом, по которому мне заехал дебил Ларс несколько часов назад.

Я и правда увидела звезды. Или по крайней мере голубые искры, какие видишь, если сильно потереть глаза. Уж казалось бы, что значит лоскут кожи для человека, потерявшего кусок пальца, но, видимо, это стало последней каплей – исчезновение мамы, все дела. Признаться, у меня даже выкатилась скупая слеза. Больше всего меня раздражало, что они теперь наверняка решат, будто это из-за удара. Примут за слабачку.

– Может, принести воды? – заботливо спросил Джастин.

Дюймовочка подала голос.

– Ой, я знаю! Тебе надо выпить чего-нибудь крепкого и закусить жгут из какой-нибудь тряпки, пока он будет вытаскивать занозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.